

ПЕРСОНАЛЬНО-СТАТУСНОЕ ЗНАЧЕНИЕ НЕЛИЧНЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА В КУМЫКСКОМ ЯЗЫКЕ

Асеева К.А.

ГОУ ВПО «Дагестанский государственный институт народного хозяйства» (367008, Республика Дагестан, Махачкала, ул. Атаева, 5), nur1@yandex.ru

Лицо исполнителя действия может быть выражено не только в личных формах глагола, но и в неличных формах – причастиях, деепричастиях, именах действия. Причастия и деепричастия не имеют морфологических показателей лица. Производитель действия в них выражается синтаксическим способом. Деепричастия не всегда могут быть заменены личными формами глагола, поскольку они являются носителями обстоятельственной семантики. Деепричастие выступает, как правило, в сочетании со спрягаемой формой глагола. И в этом случае оно неизменно обозначает личное действие, однозначно охарактеризованное по всем глагольным грамматическим категориям, выраженным спрягаемым глаголом, с которым оно соотносено. В деепричастиях действующее лицо может совпадать, а может и не совпадать с лицом основного глагола. В последнем случае лицо выражается синтаксически – при помощи местоимений и существительных в основном падеже. Деепричастные формы не оформляются или факультативно могут оформляться личным аффиксом в моносубъектных полипредикативных предложениях. Причиной этого является определенность лица производителя действия, выраженного финитной формой глагола в главной части полипредикативных моносубъектных предложений. Простые и развернутые сказуемые, выраженные именами действия, употребляются при именных подлежащих. Субъект действия может быть определен также личными местоимениями или именем существительным в родительном падеже в составе изафетных конструкций.

Ключевые слова: категория личности, личные формы глагола, неличные формы глагола, исполнитель действия, категория лица, кумыкский язык.

PERSONAL AND STATUTE MEANING OF NON-FINITE FORMS OF THE VERB IN KUMYK LANGUAGE

Asevova K.A.

Dagestan State Institute of National Economy: 367008, Republic of Dagestan, Makhachkala, Atayevastr., 5, nur1@yandex.ru

The person of the performer of the action can be expressed not only in finite forms of the verb, but also in non-finite forms – participles, adverbial participles and the names of action. Participles and adverbial participles do not have morphological indices of person. The performer of the action is expressed syntactically. Adverbial participles can not always be substituted with finite forms of the verb as they possess the adverbial meaning. Adverbial participle, as a rule, is used in combination with the conjugated form of the verb. In this case it always denotes the personal action, characterized in all verbal grammatical categories, expressed with the correlating conjugated verb. In adverbial participles the acting person can coincide or disagree with the person of the main verb. In the latter case the person is expressed syntactically – by means of pronouns and nouns in common case. The adverbial forms are not issued or can optionally be expressed with the personal affix in monosubjectpolypredicative sentences. The reason for this fact is the definiteness of the performer of the action, expressed with finite forms of the verb in the head part of the polypredicatemonosubject sentences. Simple and extended predicates, expressed by the names of actions are used with nominal subjects. The subject of the action can also be defined with personal pronouns or noun in genitive case as a part of izafat constructions.

Keywords: the category of personality, finite forms of the verb, non-finite forms of the verb, the performer of the action, the category of person, Kumyk language.

Актуальность темы исследования обусловлена существующей в современной лингвистической тюркологии необходимостью системно-функционального описания грамматических категорий, особенности которых проявляются в определенных контекстуально-ситуативных условиях. В этом плане несомненный лингвистический интерес

представляет исследование категории персональности на материале современного кумыкского языка

Целью данной работы является выявление специфики средств выражения персональности в неличных формах глагола и особенностей их функционирования в художественных произведениях кумыкских авторов.

Научная новизна состоит в том, что в ней впервые предпринято комплексное исследование языковых средств выражения персонально-статусных значений в неличных формах кумыкского глагола – причастиях, деепричастиях и именах действия на материале художественных текстов кумыкских авторов.

В соответствии с целью работы в ней были использованы следующие **методы** исследования: описательно-аналитический метод, сравнительный метод, метод наблюдения, а также контекстуальный и интерпретационный методы.

Результаты исследования и их обсуждение

Лицо исполнителя действия может быть выражено не только в личных формах глагола, но и в неличных формах – причастиях, деепричастиях, именах действия [5, с.151-155; 6, с. 228-230].

Причастия не имеют морфологических показателей лица. Производитель действия в них выражается синтаксическим способом. Так, в причастиях, употребленных в атрибутивной функции, исполнитель действия может быть выражен:

а) местоимением или существительным в основном падеже: *Сен юрюген дав ёлланыбилмеге, Архивлерденечесиягътергелген* (М. Халилов). «Чтобы узнать о твоих военных дорогах, из архивов было изучено много документов»;

б) именем существительным при причастиях настоящего времени, выступающих в роли определения к причастию: *Сёйлемболмайгъанадамавзункъысыптурмагерек!* (А. Къурбанов). «Человек, который не может говорить, должен держать язык за зубами»;

в) аффиксами принадлежности при определяемом, выраженном причастием будущего времени с факультативным употреблением личного местоимения или существительного в родительном падеже [18, с. 170]: *Бугюнмениайтарсёзюмбаишгъа*. «Сегодня я хочу говорить о другом».

В субстантивированных причастиях субъект действия может быть выражен личным местоимением в родительном падеже. При выражении субъекта действия родительным падежом местоимения возможно опущение аффикса принадлежности в изафетной конструкции: *Онуартындан мен (мени) юрюйгенимкёп бола*. (А. Мамаев). «Я долго хожу за ней».

Причастия, определяющие субъект или прямой объект действия, подвергаются субстантивации. В первом случае причастие становится заместителем субъекта и указывает на производителя действия: *Кёпнюгёргенкёпбиле*. «Много видевший, много знает». Во втором случае при употреблении субстантивного причастия в значении объекта действия (*ашайгъаныбал да май* «то, что он ест – мед да масло»), а также в функции глагольного имени (*ол не этегеннигёрмедим* «он не знает, что делать») исполнитель действия может выражаться несколькими способами:

1. Синтаксическим способом – местоимением или существительным в основном или родительном падеже: «*Тек, вёрегейсен, мен гелгенни, мен айтгъанныайтмагъайсан*», – *депчыгъыпгете*. (Фолькл.). «Но, смотри, никому не говори о том, что я приходил и что я говорил», – так сказав, он ушел». *Нечикяхшыболду мен айтгъанныэтгенигиз*. (М. Ягъияев). «Как хорошо, что вы сделали то, что я говорил».

2. Морфологическим способом – аффиксами принадлежности, которые указывают на носителя данного состояния: *Гёрмегенингнигёргюнчайтма*. (Погов.). «О том, чего ты не видел, не говори, пока не увидишь».

В некоторых тюркских языках, например, в якутском языке отдельные деепричастия (-ан, -а, -бакка, -мына, -бакка, -аары (-ымаары)) принимают аффиксы сказуемости [21, с. 89]. В кумыкском языке, как и в большинстве тюркских языков, деепричастия являются неизменяемой формой глагола. В тюркологии доказано, что некоторые временные формы, вне всякого сомнения, восходят к деепричастиям. О том же косвенно, но весьма убедительно свидетельствует возможность свободной трансформации некоторых деепричастий в личные формы глагола, без всякого ущерба для своего содержания. В предложении *Уланым къатыналып, къызым да эрге барса, кёпяхшыболажакъэди* (А. Къурбанов). «Если мой сын женится и дочка выйдет замуж, было бы очень хорошо», деепричастие *алып* можно свободно заменить личной формой глагола *алса*. В данном случае взаимозаменяемые формы выступают как синтаксические синонимы, отличающиеся друг от друга только в стилистическом отношении. Деепричастная предикативность имеет связанный характер, исключая ее самостоятельное бытование в виде отдельного предложения. Когда деепричастие представлено в предложении со своим подлежащим, оно обозначает только личное действие и в этом отношении представляет собой синтаксический синоним личных форм глагола, чего нельзя сказать, очевидно, о причастии, обозначающем действие как признак даже при наличии своего подлежащего.

Взаимозаменяемость личных и деепричастных форм обусловлена главным образом однозначной охарактеризованностью действия, выраженного деепричастием, по категориям лица, числа, времени и наклонения синтаксическим способом, а именно – соотнесенностью

этого действия с действием, выраженным спрягаемым глаголом, морфологические показатели которого предстают как общие характеристики обоих действий, совершаемых одним и тем же лицом.

Деепричастия в кумыкском языке не всегда могут быть заменены личными формами глагола, поскольку они являются носителями обстоятельственной семантики. Но синтаксическое соотношение между деепричастием с обстоятельственным значением и последующим финитным глаголом-сказуемым в принципе не зависит от общности или раздельности их подлежащих. При наличии у деепричастия своего подлежащего меняется лишь охарактеризованность обозначаемого им действия по категории лица и числа. В остальном здесь наблюдается полный изоморфизм, позволяющий заключить, что действие, выраженное деепричастием, несущим с собой обстоятельственное значение, и соотношенным с ним последующим спрягаемым глаголом-сказуемым, неизменно характеризуется по глагольным категориям лица, числа, времени и наклонения. Однако осмысление этого действия по категориям лица и числа производится исключительно синтаксическим способом по непосредственной связи деепричастия с подлежащим, временной же план этого действия устанавливается по спрягаемому глаголу-сказуемому, которому подчинено деепричастие.

Деепричастие выступает, как правило, в сочетании со спрягаемой формой глагола. И в этом случае оно неизменно обозначает личное действие, однозначно охарактеризованное по всем глагольным грамматическим категориям, выраженным спрягаемым глаголом, с которым оно соотносено: *Бёркюнчечип, икрам эте.* (Б. Атаев). «Сняв шапку, кланяется».

В деепричастиях действующее лицо может совпадать с лицом основного глагола, как и в русском языке, либо может быть отличным от исполнителя основного действия. В таком случае лицо выражается при помощи местоимений и существительных в основном падеже: *Шогече мен тангкъатгъынчаюхламайчыкъдым.* (Н. Батырмурзаев). «В ту ночь я не спал до раннего утра».

Когда деепричастия выступают в качестве второстепенного сказуемого придаточного предложения, их личное оформление бывает факультативным или обязательным. Деепричастные формы не оформляются или факультативно могут оформляться личным аффиксом в моносубъектных полипредикативных предложениях. Причиной этого является определенность лица производителя действия, выраженного финитной формой глагола в главной части полипредикативных моносубъектных предложений. Таким образом, отпадает необходимость определить лицо субъекта, выраженного формой деепричастия в зависимой части, аффиксом сказуемости [21, с. 91]. В моносубъектном полипредикативном предложении *Олгелипхалкъныарасынакъувунсалды.* «Он пришел и создал суматоху среди

людей», деепричастие не снабжено аффиксом лица, смысл предложения не меняется от отсутствия аффикса лица у деепричастия. В этом предложении формой 2-го лица ед. ч. финитного глагола *салды* «(он) создал» в главной части предложения определяется лицо производителя действия, выраженного деепричастной формой в зависимой части сложного предложения.

Личные местоимения при деепричастном обороте используются в усилительной функции, когда говорящий хочет особо подчеркнуть действие, выраженное в форме деепричастия: *Мен, бек кьоркьуп, гечетурмагъабирйыланёкъ ер табулмасмыкендеп, къыдырыпюрюйэдим.* (Фолькл.). «Я, сильно испугавшись, искал место, где нет змей, чтобы переночевать». В приведенном примере деепричастие *кьоркьуп* «испугавшись» выражает причину последующего действия, и логическое ударение падает на деепричастие.

В составе сложного сказуемого с деепричастным составляющим деепричастие никогда не имеет аффиксов лица (*чыгъынгетдим* «(я) ушел», *гирингелди* «(он) вошел»), так как они семантически тесно связаны с конечными глагольными формами, часто образуя с ними аналитические сложновербальные формы. Аффиксы сказуемости обязательно прикрепляются к деепричастию по причине того, что необходимо указать лицо одного из участников полисубъектных полипредикативных предложений, если даже лицо указано личным местоимением в первой зависимой части предложения. Ср.: *Олгелип, мен гетдим.* «Он пришел, я ушел». (Букв. «Он придя, я ушел»).

Лицо субъекта действия, выраженного деепричастной формой, должно быть определено аффиксом сказуемости, прикрепленным к деепричастию или личным местоимением в зависимой части предложения. В некоторых случаях, в зависимости от лексического значения глагола, в предложении, где лицо выражено не личным оформлением деепричастия, а личным местоимением, содержание высказывания немного притупляется [23, с.118]. Сравним, например, предложения: *Сен гирин, бизчыкьдыкъ.* «Когда ты вошел, мы вышли»; *Сен гелгендокъ, жыйынбашланды.* «Как только ты пришел, началось собрание». Здесь следует отметить в деепричастиях аспектуальное значение предшествования действия, выраженного деепричастием, основному действию и их мгновенный характер.

В просторечии деепричастия на *-ып* перед модальным словом *экен* могут употребляться параллельно с личной формой глагола на *-гъан*: *Сен онукёнденгёрюп (гёрген) экенсен, магъа неге атмадынг.* «Оказывается, ты давно его видишь, почему мне не говоришь?» Как отмечает Н. К. Дмитриев, отсутствие показателей лица при деепричастии «компенсируется отчетливо выраженным грамматическим (и логическим) подлежащим» [11, с. 427].

Предикативным склонением признается «склонение предикативного словосочетания, сказуемое в котором обозначает признак, состояние, свойство субъекта, а также выраженное словом, способным передать отношение субъекта к данному явлению» [20, с. 36]. В якутском языке предикативное склонение имеет два вида: безличное и личное. Личное притяжательное склонение, по мнению исследователей, образовалось от «форм простого склонения указательных местоимений через формирование лично-притяжательного местоимения» [20, с. 38]. Личное предикативное склонение причастий, употребляясь как зависимый предикативный член, используется в качестве зависимого сказуемого придаточного предложения в сложноподчиненном предложении, определяя лицо деятеля зависимого действия. Причастно-падежные конструкции «характеризуются базовой атрибутивной функцией, которая способна преобразоваться в функцию самостоятельного (независимого) предложения» [12, с. 53]. В тюркологии эта функция причастий в падежном притяжательном склонении называется по-разному. Н.З. Гаджиева называет это явление «трансформацией логически зависимого сказуемого» [7, с. 231-235] и считает такие конструкции исторически самостоятельными предложениями, но либо адъективировавшимися, либо субстантивировавшимися. Зависимый предикативный член в виде притяжательного причастия в падежном склонении М.И. Черемисина определяет как «инфинитный, зависимый предикат» [22, с. 31], В.Г. Гузев [9, с. 79] в таких формах усматривает случаи «вторичной репрезентации». Авторы, специально занимающиеся исследованием этого вопроса, определяют формы притяжательного падежного склонения причастий моносубъектными и бисубъектными предикативными членами [16, с. 231] и т.д.

Предикативное склонение причастий определяет зависимое действие при: а) моносубъектных полипредикативных предложениях: *Сабанчылар мунда не муратбулангелгенин де унутгъан.* (Ибрагъимов-Къызларлы). «Кретьяне уже забыли, зачем они пришли сюда»; б) разносубъектных полипредикативных предложениях: *Сен этмегенбизгеабурну да, сыйны да, ким этер.* (И. Керимов). «Уважение и честь, которые ты не оказал нам, кто же окажет».

Неоднозначное определение дается тюркологами по поводу зависимых предикативных членов, выраженных причастием с притяжательным аффиксом со значением субъекта. Предикативные члены со значением субъекта Е.И. Убрятова назвала подлежащими зависимыми предикативными единицами, которые в составе полипредикативной конструкции выступают в роли подлежащего по отношению к сказуемому главной части [Убрятова, 1976]. В роли подлежащего выступает действие (или состояние), которое производит (или в котором находится) субъект зависимого предложения-подлежащего, выраженного причастием с аффиксом притяжательности без

падежного склонения. Таким образом, помимо того, что аффикс принадлежности выражает лицо производителя действия в зависимой части сложноподчиненного предложения, одновременно выступает способом связи зависимого и главного предложений [19, с. 14]: *Сени гелгенингнечакъы да яхшы*. «То, что ты пришел, это очень хорошо».

Это явление другие тюркологи (Н.З. Гаджиева, Н.А. Баскаков, С.Н. Иванов, Б.А. Серебренников и др.) связывают с субстантивностью причастий и называют зависимый предикативный член в виде притяжательного причастия разными терминами: «трансформа», «развернутый оборот», «развернутый член» и т.д. Г.Г. Филиппов в подобных предложениях аффикс принадлежности не считает аффиксом принадлежности в подлинном смысле этого слова, а придерживается мнения, что здесь функционирует личный аффикс как признак согласования между субъектом и предикатом [20, с. 35]. Из этого следует, что нельзя считать подобные зависимые предикативные члены развернутым членом предложения, так как зависимый предикативный член в виде причастия с аффиксом принадлежности не теряет своего предикативного значения и обозначает действие, состояние субъекта зависимого предложения [21, с. 95].

В некоторых тюркских языках имена действия нейтральны по отношению к лицу [8, с. 322]. Этого нельзя сказать о кумыкских именах действия, так как некоторые именные формы глагола принимают показатели лица, например, форма на *-макъ*: *бармагъым* «мой уход», *бармагъынг* «твой уход», *бармагъы* «его уход» и т.д. Простые и развернутые сказуемые, выраженные именем действия на *-макъ*, употребляются при именных подлежащих, что обусловлено самой природой данной формы. Лицо деятеля в формах на *-макъ* часто выражает отношение действия к действующему лицу личными местоимениями в родительном падеже, конкретизируя общеграмматическое значение имени действия и усиливая семантику предметности: *Биргъисанданменигелмегимьяман да болмады* (Ибрагимов-Къызларлы). «С одной стороны, то, что я пришел, это хорошо».

Семантика совмещения во времени в именах действия на *-макъ* ярче выражается в именах действия с аффиксом принадлежности 3-го лица: *Сувнуортасынаалдагъыатлыныетмегибулан, уьчде якъданатышывбаиланды*. (А. Мамаев). «Как только первый всадник дошел до середины воды, с трех сторон началась стрельба». Вариант с заднерядным гласным и с аффиксом принадлежности 3-го лица *-магъыбулан* ни разу не встретился, несмотря на то, что форма *-макъбулан* достаточно часто встречается. Интересным представляется и то, что рассматриваемая именная форма употребляется с показателем принадлежности только в третьем лице.

Во многих тюркских языках имя действия на *-макъ* может сочетаться с различными послелогом, но не во всех тюркских языках оно склоняется по падежам, сочетается с

аффиксами всех трех лиц принадлежности. Например, в туркменском языке форма на *-мак* принимает аффиксы принадлежности всех трех лиц и склоняется по падежам как существительное [1, с. 70]. В азербайджанском языке эта форма, принимая аффиксы принадлежности всех трех лиц, переходит в разряд имен действия, склоняется по падежам и сочетается с послелогом и служебными именами [10, с. 16]. В уйгурском языке, изменяясь как и существительное, она выступает в предложении в качестве подлежащего, сказуемого, определения, дополнения, а также обстоятельства цели, времени, причины, кроме того, употребляется в значении настоящего-будущего времени, а также в сочетании с формами изъявительного и условного наклонения глагола *бол* «быть», «становиться» – для передачи намерения или желания действующего лица в той или иной временной плоскости [15, с. 25-28]. В узбекском языке имя действия на *-мок*, выступая в значении имени действия или состояния, изменяется по нормам именных категорий, отличается большой номинативностью [13, с. 17-18]. Активно и может образоваться от любой глагольной основы имя действия на *-мак* в киргизском языке [17, с. 3-12]. Данная форма в диалектах татарского языка имеет пережиточный характер и образуется от ограниченного числа глагольных основ [24, с. 237]. В говорах мишарского диалекта имя действия на *-мак* образуется от весьма ограниченного числа глагольных основ (*ашамак, эчмэк, кимэк, тоймак, тыймак, ишлэмэк*) и лишь изредка встречается в речи престарелых носителей диалекта [14, с. 201].

Указанные конструкции без аффиксов принадлежности близки к глаголам 3 лица множественного числа изъявительного наклонения, обозначающим обычное, привычное действие. В случаях оформления показателями принадлежности они выражают возможность, предположительность совершения действия: *Сен айтагъанзатларданменианглавумёкъ* (И. Керимов). «Я понятия не имею о том, что ты говоришь».

Имя действия на *-ыш* выражает нейтральное к категории времени и наклонения действие. Некоторые оттенки временного значения оно способно передавать лишь в сочетании с основным глаголом и некоторыми формами деепричастия. Форма на *-ыш* принимает аффиксы принадлежности всех лиц единственного и множественного числа (*юрюшюм* «моя ходьба», *юрюшюнз* «твоя ходьба» и т.д.). Субъект действия может быть определен также личными местоимениями или именем существительным в родительном падеже (*яшланыайланышлары* «хождения детей»).

Основной падеж формы на *-ыш* с аффиксами принадлежности или без них обозначает название действия, состояния, процесса. Данная форма обычно используется в составе изафета 3: *Машинниюрюшюасыльозенниагъымынаошагъанда, мен Патиматгъабурлукъдум*. (А. Мамаев). «Когда движение машины стало похожей на течение спокойной реки, я повернулся к Патимат».

Форма на *-макълыкъ* употребляется с аффиксами принадлежности во всех трех лицах единственного и множественного числа в составе изафетных конструкций. В составе изафета 3 данная форма сочетается с существительным в родительном падеже, который и является субъектом состояния, выраженного формой на *-макълыкъ*: *Амалымны да, Бариятны да бир-биринегъашыкъболмакълыгъы да тынчамалгъагелгенишитюгюлэди* (А. Мамаев) «Любовь между моим братом и Барият была не из легких». Вместе с прилагательными и наречиями форма на *-макълыкъ* образует сложные сказуемые, выраженные в разных падежных формах. Она может принимать и аффиксы принадлежности всех трех лиц.

Одним из распространенных случаев употребления инфинитива является его сочетание с модальными словами *тюше* «следует», *герек* «нужно» и *тарыкъ* «необходимо». При этом субъект действия выражается только существительным в направительном падеже: *БуердеСолтаниятны да якъламатыше* (З. Атаева). «В данном случае следует защищать и Солтаният». *Тюбекбуланишгёрмегерек* (Ибрагимов-Къызларлы). «Необходимо иметь дело с оружием». Однако модификаторы предположительной модальности *герек* «нужно» и *тарыкъ* «необходимо» могут употребляться с формой инфинитива и для выражения финитного действия. Ср.: *Мен яшамагерекмен* (А. Гьамитов). «Я должен жить» – *Бирамалэтипмагъаяшамагерек*. (К. Абуков). «Каким-то образом мне надо жить». В первом предложении значение персональности выражено личным местоимением и аффиксом первого лица в модальном слове *герек* «должен», а во втором предложении исполнитель действия выражен местоимением в направительном падеже.

Нет никакой необходимости в морфологическом выражении категории лица в обстоятельственно-временных формах кумыкского глагола. Например, в предложении *Эртен тез мен ишгбаргъанда, колхоз кансаралныалдынажыйылыпадамлартабулду* (И. Керимов). «Когда я рано утром пошел на работу, перед колхозной которой нашел собравшихся людей», где обстоятельственно-временная форма *-гъанда* выражает действие отнюдь не как признак, а именно как действие, ориентированное на плоскость прошедшего и соотнесенное с его производителем, название которого никак не может быть истолковано иначе, чем подлежащее, связанное с деепричастием-сказуемым на началах предикации [23, с. 84].

Грамматическая категория лица и другие средства выражения персональности взаимодействуют с категориями времени, наклонения и их функционально-семантическими полями.

Заключение

Лицо исполнителя действия может быть выражено не только в личных формах глагола, но и в неличных формах – причастиях, деепричастиях, именах действия. Причастия

и деепричастия не имеют морфологических показателей лица. Производитель действия в них выражается в основном синтаксическим способом.

Деепричастие, синтаксически соотнесенное с подлежащим, немислимо без грамматического значения лица и числа. Подлежащее не может не быть в предложении, где деепричастие представлено в соотнесении со сказуемым в личной форме глагола. А это означает, что предикативное ядро такого предложения бывает более полнокровным, чем в обычном глагольном предложении, структурную основу которого составляет сказуемое, а не подлежащее со сказуемым, как в нашем случае.

Таким образом, грамматическое значение лица, необходимое для глагольной предикативности, вовсе не обязательно должно быть выражено в рамках самого сказуемого, если оно может быть однозначно осмыслено синтаксическим путем, который В. В. Виноградов справедливо рассматривал как особый – синтаксический – способ формального выражения категории лица [2, с. 139].

Список литературы

1. Боржаков А. Имена действия в туркменском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Ашгабат, 1994. – 60 с.
2. Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения // Вопросы грамматического строя. – М., 1955. – 482 с.
3. Гаджихмедов Н.Э. Система значений видовременных форм кумыкского индикатива // Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. – 2012. – № 2. – С. 54-58.
4. Гаджихмедов Н.Э. Соотносительное употребление деепричастных и личных форм глагола в кумыкском языке // Востокведение: Ученые записки Ленинградского университета. – Вып. 10. Филологические исследования. – 1984. – С. 27–32.
5. Гаджихмедов Н.Э., Мурзаева Д.М. Функционально-семантические особенности имени действия на *-ыш* в современном кумыкском языке // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2015. – № 3. – С. 151-155.
6. Гаджихмедов Н.Э., Мурзаева Ж.М. Функционально-семантическая характеристика имени действия *-ыш* в кумыкском языке // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 11-2. – С. 228-230.
7. Гаджиева Н.З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. – М.: Наука, 1973. – 408 с.
8. Грамматика современного башкирского литературного языка. – М.: Наука, 1981. – 495 с.
9. Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: глагол. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1990. – 168 с.
10. Дашчян Т.Дж. Глагольные имена на *-дыг*, *-ачаг*, *-маг*, *-ма* в современном азербайджанском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Баку, 1969.

11. Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков. – Л.: Изд-во вост. лит-ры, 1962. – 607 с.
12. Ефремов Н. Н. Полипредикативные конструкции в якутском языке. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. – 193 с.
13. Исхаков Ф. Имена действия и состояния в современном узбекском языке (формы на -(и)-ш, -мок, -(у)в): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Самарканд, 1960. – 20 с.
14. Махмутова Л.Т. Опыт исследования тюркских диалектов (мишарский диалект татарского языка). – М.: Наука, 1978. – 270 с.
15. Мелиев К. Имена действия в современном уйгурском языке. – М.: Наука, 1964. – 43 с.
16. Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем. – Новосибирск: Наука, 1986. – 231 с.
17. Тойчубекова Б. Имена действия в киргизском языке: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Фрунзе, 1968. – 22 с.
18. Тумашева Д.Г. Татарский глагол (опыт функционально-семантического исследования грамматических категорий). – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1986. – 189 с.
19. Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. Книга 1. Сложное предложение. – Новосибирск: Наука, 1976. – 216 с.
20. Филиппов Г.Г. Причастия якутского языка: комплексное типологическое функционально-семантическое исследование: дис. ... д-ра филол. наук. – Якутск, 1999. – 48 с.
21. Харабаева В. И. Функционально-семантическая категория персональности в якутском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Якутск, 2015. – 189 с.
22. Черемисина М.И. Специфические функции финитных и инфинитных (зависимых) сказуемых в языках разных систем // Теоретические аспекты лингвистических исследований. – Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1984. – С. 3-36.
23. Юлдашев А.А. Соотношение деепричастных и личных форм глагола в тюркских языках. – М.: Наука, 1977. – 270 с.
24. Юсупов Ф.Ю. Неличные формы глагола в диалектах татарского языка. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1985. – 318 с.

Рецензенты:

Гаджихмедов Н.Э., д.фил.н., проф., заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала;

Хангереев М.Д., д.фил.н., профессор кафедры дагестанских языков ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала.